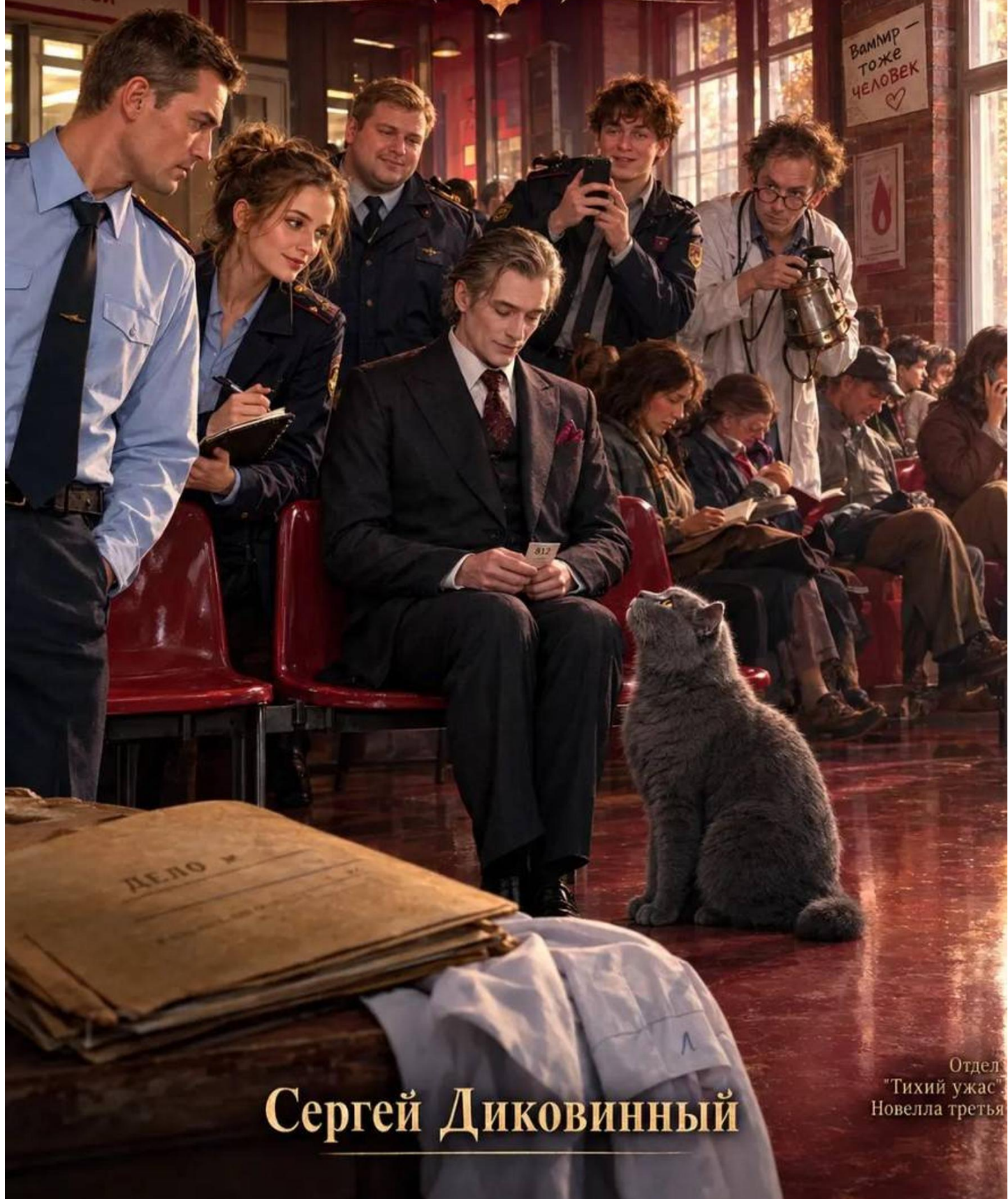

ДЕЛО О ВАМПИРЕ-ДОНОРЕ

Сергей Диковинный

Отдел
"Тихий ужас"
Новелла третья

Сергей Диковинный

Дело о вампире-доноре

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Дело о вампире-доноре / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

В Тихогорске появился вампир. Об этом сообщили сверху. Вампира нашли быстро. Он сидел в очереди в пункте переливания крови. На третьем месте. Ждал. Вампир работал в этом центре санитаром. Тридцать лет. Носил пробирки. Не кусал. Не пил лишнего. Сдавал кровь два раза в год — для коллег. В свободное время вёл тик-ток, который смотрели четыре тысячи человек. В общем, идеальный сотрудник. Но у идеального сотрудника завелись недоброжелатели. Директор пункта говорит: не троньте. Заместитель директора говорит: троньте. Архивариус городского управления — сорок лет в подвале, мягкий карандаш, почерк бытовой — молчит и оставляет знаки. А майор Орлов смотрит на всё это и понимает: дело не про вампира. Дело про человека, который очень хотел, чтобы мы этого вампира нашли. Пока Синичкина разговаривает с архивом, Муромцев — с директором, а Кулибин изучает халат с карандашной пометкой, кот Тимофей заходит в пункт переливания и садится перед вампиром. Вампир здоровается первым. Как со старым знакомым.

Содержание

Глава 1. Очередь	5
Глава 2. Дом вампира	9
Глава 3. Работаем	12
Глава 4. Халат	16
Глава 5. Ночной наблюдатель	18
Эпилог	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Диковинный

Дело о вампире-доноре

Глава 1. Очередь

Утро в отделе номер семь начиналось по расписанию. Кулибин паяет. Дроздов листает. Муромцев лежит. Синичкина опаздывает на четыре минуты. Орлов гладит рубашку рукой. Тимофей сидит на папке. Лепнина осыпается. Лампочка мигает.

Всё как всегда. Пока не вошёл Громобоев.

Он вошёл — и все сразу поняли: будет разговор. Не потому, что он был сердитый — он всегда был сердитый. А потому, что он был сердитый *изадумчивый*. А это, как известно, самое опасное сочетание.

Громобоев остановился посреди кабинета. Посмотрел на всех. Потом на Тимофея. Потом на потолок — лепнина держалась на честном слове. Потом снова на всех.

— Орлов, — сказал он.

— Я.

— У нас в городе вампир.

Паяльник Кулибина замер в воздухе. Дроздов оторвался от телефона. Муромцев сел на диване. Синичкина, которая в этот момент вбежала с опозданием и разваливающимся пучком, замерла на пороге. Тимофей не двинулся.

— Вампир, — повторил Орлов ровно.

— Вампир, — сказал Громобоев.

— Товарищ полковник. — Орлов помолчал. — В прошлом месяце у нас был домовый. В этом — призрак. Теперь вампир. У нас какой-то тематический год?

— Неостроумно, Орлов.

— Виноват.

Громобоев подошёл к столу. Сел. Как всегда — не спрашивая. Расстегнул воротник. Воротник был тесен всегда, но сегодня — особенно.

— Вампир, — сказал он. — Настоящий. Не из тех, что накладные клыки носят. Из тех, что в пункте переливания крови стоят в очереди.

— В очереди? — переспросил Дроздов.

— В очереди. Стоит. Ждёт. Не скандалит. Не кусается. Просто стоит и ждёт своей очереди.

— Это... — Дроздов замялся. — Это вообще законно?

— Вот и мы думаем, — сказал Громобоев. — Разбирайтесь.

— А в чём дело? — спросил Орлов. — Если он никого не кусает — что мы ищем?

Громобоев посмотрел на него. Долго.

— Синичкина, — сказал он.

— Я!

— Ты в прошлый раз догадалась про домового. Про то, что он «извиняется». Ты как?

Синичкина покраснела.

— Ну... работаю.

— Работай дальше. — Громобоев встал. Оглядел кабинет. Ещё раз посмотрел на Тимофея. И вышел.

Дверь хлопнула. Лепнина уронила небольшую, но выразительную крошку на Дроздова. Дроздов не заметил — он уже что-то искал в телефоне.

Орлов встал. Поправил рубашку.

— Собираемся.

— Куда? — спросил Муромцев.

— В пункт переливания крови. Смотреть вампира.

— Странно, — сказал Муромцев медленно. — Обычно в таких местах смотрят кровь.

Все посмотрели на Муромцева. Муромцев лежал на диване и смотрел в потолок.

— Что? — сказал он. — Я просто отметил.

Областной центр переливания крови располагался в старом кирпичном здании ещё при царе. Над входом висел красный крест, который недавно подкрашивали — и получилось розовое.

Внутри пахло хлоркой, чаем и бумагой. В коридоре сидели люди. Обычная очередь. Кто-то читал. Кто-то спал на плече соседа.

И в этой очереди — на третьем месте, у самой стены — сидел вампир.

Он был виден сразу. Не потому, что у него были клыки — клыки у многих. А потому, что он был единственный в очереди, кто сидел с абсолютно прямой спиной. И ещё потому, что на нём был идеально выглаженный, чуть старомодный костюм. И галстук. И платок в кармашке.

Отдел вошёл. Народ оторвался на секунду — посмотрел на пятерых в форме и кота. Решил, что это, наверное, к кому-то другому. Вернулся к своим делам.

Вампир даже не повернул головы.

Орлов подошёл. Встал напротив. Тимофей сел рядом. Синичкина достала блокнот. Дроздов — телефон. Муромцев встал сзади — просто потому, что был большой. Кулибин отошёл к розетке и начал что-то настраивать.

— Здравствуйте, — сказал Орлов.

Вампир поднял спокойные, вежливые, очень усталые глаза.

— Здравствуйте.

Голос был тихий, приятный. Как у человека, который работает библиотекарем. Или нота-риусом. Или — кем-то, кто работает с бумагами.

— Вы — вампир?

— Да. Константин Львович. Фамилия — Заславский.

— Мы из милиции.

— Я понял.

— Мы не понимаем, что здесь происходит.

— Я тоже, — сказал Константин Львович вежливо. — Стою уже двадцать лет.

— Двадцать лет?! — не выдержал Дроздов.

— В смысле — двадцать минут, — сказал вампир. — Извините. Я оговорился. Для меня время течёт иначе.

— А. Ну, то есть не понятно, но ладно.

Синичкина записала в блокнот: «Оговорился про время. Проверить». Она ещё не знала, что это не важно. Она записывала всё — по привычке.

— Константин Львович, — сказал Орлов. — Почему вы стоите в очереди?

— Потому что работа

— В смысле?

— Я работаю в этом центре. Тридцать лет. Я — санитар.

— Вампир? — переспросила Синичкина.

— Санитар.

— Нет. Вампир? В пункте переливания крови?

— Работает, — сказал Константин Львович. — С кровью. Тут же кровь. Тут она — как у вас вода. Мне нравится.

— Нравится... — Орлов помолчал. — Работать с кровью.

— Я же вампир, — сказал Константин Львович просто. — Я должен работать с кровью. Это## специализация. Я пробовал другое. Продавцом. Учителем физкультуры. Водителем троллейбуса. Всё не то. А тут — я в своей стихии.

— А очередь? — спросил Дроздов.

— Очередь — на донацию. Я тоже хочу сдавать. Раз в полгода. Для коллег. Ну, то есть у меня же кровь тоже есть. Не как у вас, но есть. И её можно сдать. Для других вампиров, у кого нет.

— Вы стоите в очереди, чтобы сдать кровь, — сказал Орлов медленно.

— Да.

— И одновременно работаете санитаром.

— Да.

— И тридцать лет.

— Да.

— И никто не заметил?

Константин Львович задумался.

— Ну, вообще-то заметили. Но у нас больница. У нас все немножко... — он поискал слово, — особенные. Кому-то не до меня. Кто-то думает, что я просто больной с аллергией на солнце. В общем, никто не задаёт вопросов. — Он помолчал. — А зачем? Я же не мешаю.

Тимофей, который всё это время сидел рядом с Орловым, вдруг встал. Подошёл к вампиру. Сел перед ним. Посмотрел прямо в глаза.

Вампир посмотрел на кота. И — впервые за разговор — в его лице что-то дрогнуло. Не испуг. Что-то другое. Как будто он узнал старого знакомого.

— О, — сказал он тихо. — Здравствуйте.

Все посмотрели на Тимофея. Тимофей — на вампира. Долго. Так, что Синичкина перестала писать. Так, что Дроздов опустил телефон.

Потом Тимофей развернулся. И ушёл к выходу.

— Извините, — сказал вампир. — Я его знаю. Я думаю.

— Вы знаете нашего кота? — спросил Орлов.

— Это не кот.

— А кто?

— Ну... — вампир замялся. — Не знаю. Но это не кот.

— Он работает с нами.

— Я так и понял.

— Ладно, — сказал Орлов. — Мы вернёмся. Не уходите.

— Я на работе. Я и так не уйду. У меня смена до восьми.

Они вышли из очереди. У самого выхода их окликнул немолодой человек в белом халате — полный, лысый, с усталыми глазами. Главврач, судя по всему.

— Я — заведующий отделением. Стрельцов. Мне сказали, вы тут про вампира. — Он помолчал. — Я просто хочу сказать: не троньте его, пожалуйста.

— Почему?

— Потому что он у нас лучший санитар за тридцать лет. Никогда не опаздывает. Не хамит. Не берёт больничный. И самое главное... — Он помолчал. — Он единственный в отделении, кто не боится крови.

— Все её боятся? — спросил Орлов.

— Все, — сказал Стрельцов тихо. — А он — нет. Это, как вы понимаете, ценное качество. Особенно в пункте переливания.

— Мы не собираемся его трогать, — сказал Орлов. — Мы проверяем информацию.

— Какую?

— Что у вас в городе появился вампир.

Главврач посмотрел на него. Долго.

— У нас в городе давно есть вампир, — сказал он. — Уже тридцать лет. Просто никто не замечал.

— Почему?

— Потому что он очень вежливый. А вежливых людей никто не замечает.

Он развернулся и ушёл. Орлов достал блокнот. Открыл. Записал: **«Вежливых не замечают. Проверить. Странно это всё».**

Глава 2. Дом вампира

Дом вампира оказался неожиданным.

Орлов ожидал чего-то готического. Замок. Подвал. Старый особняк с портретами предков. Или — на худой конец — квартиру с чёрными шторами, гробом в углу и свечами в канделябрах.

Дом вампира оказался стандартной тихогорской «двушкой» на четвёртом этаже. С ковром. С телевизором. С фикусом в горшке. С кошкой — живой, рыжей, — которая сидела на подоконнике и смотрела на Тимофея так, как будто они знакомы.

Тимофей смотрел на неё. Она — на него. Обоюдное уважение.

Вампир открыл дверь в халате. В тапочках. С полотенцем на плече.

— О! Здравствуйте. Честно говоря, я не ожидал.

— Проверка, — сказал Орлов. — Надо посмотреть.

— Проходите, проходите. Только у меня не убрано. Я в ванную собирался.

— Не убрано — это нормально.

— Для меня — не нормально, — с достоинством сказал вампир. — Я перфекционист. Вампир-перфекционист. Это, знаете, диагноз.

Орлов вошёл. Квартира была маленькая, но уютная. Чисто. Книги на полках. Посуда на кухне. Фотографии на стенах. И — самое главное — кровать. Обычная. Не гроб.

— Кровать? — спросил Орлов.

— А что я должен, по-вашему, в гробу спать? У меня поясница. Мне ортопедический матрас нужен.

— Логично.

— Вот именно.

Тимофей прошёлся по комнате. Обнюхал книги. Обошёл фикус. Познакомился поближе с рыжей кошкой. Потом сел на ковёр и замер.

Орлов огляделся. На стене висели фотографии. Старые. Очень старые. Чёрно-белые.

— Это ваши?

— Мои. Семейные.

— А можно?

— Конечно.

Орлов подошёл. Посмотрел. На фотографиях были люди. Мужчины в костюмах. Женщины в платьях. Дети. Свадьбы. Похороны. Всё как у людей. Только на каждой фотографии — кто-то очень похожий на Константина Львовича. То в цилиндре. То в форме. То с усами.

— Это... — Орлов показал.

— Родственники.

— Все похожи на вас.

— Семейное, — сказал вампир. — Мы, вампиры, вырождаемся медленно. Очень медленно. К сожалению.

Орлов дошёл до последней фотографии. Константин Львович — или кто-то на него похожий — стоял в обнимку с молодым человеком. Фотография конца девяностых.

— А это кто?

Вампир не ответил сразу.

— Мой сын.

— Сын?

— Да.

— Он... — Орлов подбирал слова. — Он тоже...

— Нет. Он человек. От жены. Жена — человек.

— А где он сейчас?

Вампир подошёл к окну. Посмотрел на город. Долго.

— Уехал. В Москву. Работает. У него всё хорошо. Я звоню ему по субботам.

— Он знает, что вы...

— Знает. Он всегда знал. С детства.

— И?

— И ничего, — сказал Константин Львович. — Он меня любит. Я его. Всё просто.

Орлов смотрел на него. Вампир смотрел в окно. Тимофей сидел на ковре и смотрел на них обоих. Рыжая кошка смотрела на Тимофея.

— Константин Львович. — Орлов помолчал. — Зачем вы вообще работаете в пункте переливания?

— Я вам говорил.

— Вы говорили, что вам нравится. Это не ответ.

— Ну... — вампир повернулся к нему. — Мне нравится быть полезным.

— Понимаете. Я вампир. У меня есть потребность в крови. Естественная. Это как голод. Но мне не обязательно кого-то кусать. Кровь продаётся. Кровь дают. Кровь сдают доноры. Я — цивилизованный вампир. Я хожу в центр. Я оформлен как сотрудник. У меня есть медицинское обслуживание и пенсионные отчисления. У меня есть профсоюз. И никто не пострадал. — Он помолчал. — А если бы я сидел дома и страдал — я бы давно либо кого-то укусил, либо сошёл с ума. А так — я санитар. Я прихожу на работу. Я мою полы. Я ношу пробирки. Я полезен.

— Вы — санитар, который носит пробирки с кровью, — сказал Орлов.

— Да.

— И не пьёт их.

— Ну, — вампир чуть смутился, — иногда. Немного. Но только ту, которую списывают. По правилам. У нас журнал. Всё фиксируется. Я же не вор.

— Конечно, — сказал Орлов.

Он подумал про Курочкина. Про то, что тот тоже был вежливый, тоже не вор, тоже хотел быть полезным. А вышло — как вышло.

Он посмотрел на Тимофея. Тимофей смотрел на него. Спокойно. Как будто говорил: «Видишь? Всё сложнее, чем кажется». Или, может быть: «Всё проще». Орлов не понял. Он

вообще редко понимал Тимофея. Но запомнил взгляд. И сделал закорючку в блокноте — как напоминание.

Глава 3. Работаем

Разошлись по городу.

Дроздов — в соцсети. Он листал и находил. И нашёл.

— Орлов, ты не поверишь. У вампира есть тик-ток.

— Что?

— Тик-ток. Аккаунт. «Вампир-санитар. Дневник одного отделения». Четыре тысячи подписчиков.

— Что там?

— Он показывает работу. Как моет полы. Как пишет отчёты. Как делает чай. Как ест бутерброд. Как играет с кошкой. И... — Дроздов замялся.

— Что?

— Он шипит на солнце. Иногда. Для развлечения. Людям нравится. Пишут: «Молодец!» «Ты лучший санитар в мире!»

— Что-то здесь не так, — сказал Орлов.

— В смысле?

— В том смысле, что если у него четыре тысячи подписчиков — он не «никому не заметен». Его многие знают. Это меняет дело.

Синичкина подняла голову от блокнота:

— У нас в городе наклейки появились. Я видела. Возле центра. «Вампир — тоже человек».

— Кто наклеил?

— Не знаю. Но свежие.

— А в комментариях? — спросил Муромцев из угла.

— У кого?

— У вампира.

— В основном позитив. Хвалят. Один блогер написал: «Тоже хочу быть вампиром, чтобы работать в медицинском центре». Есть один тролль. Пишет: «Из-за таких, как вы, порядочных вампиров никуда не берут на работу».

— Запомни ник, — сказал Орлов.

— Зачем?

— На всякий случай.

Муромцев пошёл к Стрельцову. Просто зашёл. Без стука. Сел. Посмотрел. Молчал.

Стрельцов смотрел на него. На Муромцева нельзя было не смотреть. Муромцев был как шкаф, только с душой.

— Вы меня выдавите из кабинета, — сказал Стрельцов тихо.

— Я аккуратно. Я посижу и пойду.

— Хорошо.

— Почему вы сказали про вампира? — спросил Муромцев.

— Я сказал: не троньте.

— А ещё вы не удивились, когда мы пришли.

— Я не удивился, — сказал Стрельцов, — потому что нас уже приходили проверять. В прошлом году. Из санэпидемстанции. Тоже про вампира. Я им сказал то же самое.

— Кто их послал?

— Сверху. Как обычно.

— А есть кто-то, кто хотел бы его уволить?

Стрельцов помолчал.

— Есть. Заместитель мой. Лядова. Метит на моё место. Ей нужны громкие решения. Вампир неудобен тем, что не даёт повода. Пока не даёт.

— Вы ей говорили?

— Говорил.

— И?

— И она написала жалобу. В трудовую инспекцию. И в министерство. «Вотделении работает сотрудник с признаками гемофилии». Это она так завуалировала.

Муромцев встал. Медленно. Аккуратно. Чтобы не выдавить Стрельцова.

— Спасибо.

— А вы что с ним сделаете? С вампиром?

— Ничего. Мы ищем того, кто его сдал.

— Зачем?

Муромцев задумался.

— Потому что это интереснее. И потому что мы ищем человека, который врёт. А вампир — не врёт. Вампир — работает.

— Логично.

— Я стараюсь.

Синичкина пошла в архив. Архив был в подвале, пах валерианкой и пылью. Но Соловьёва — молодая, аккуратная, в тонких очках, с кофе и наушниками — сидела в маленьком кабинете, где на полках стояли папки. Много. И среди них — несколько с красными наклейками.

— Ты зачем пришла? — спросила Соловьёва без предисловий.

— Дело. Вампир. Работает санитаром. Тридцать лет. Никто не замечает. И вдруг кто-то написал жалобу. Изнутри.

— При чём тут архив?

— Громобоев сказал: «Информация пришла сверху». А «сверху» — это иногда не министерство. А архив.

Соловьёва посмотрела на неё долго. Встала. Подошла к полке. Остановилась на трёх красных папках.

— Вот. «Проверка. Вампиры. Общие данные». «Проверка. Пункт переливания. Учёт». «Материалы. Личное. Заславский К.Л.».

— И что там?

— Обычные данные. Поведение положительное. Характеристика отличная. — Соловьёва открыла третью папку. — Но вот тут интересно. К делу полгода назад прилагается ещё один документ.

Она вынула лист. Протянула Синичкиной.

Синичкина взяла. На листе было одно слово. Одно. Написано от руки, карандашом:

«Проверить».

— И это всё?

— Всё.

— Кто написал?

— Не подписано. Но карандаш наш. Архивный. Бытовой, мягкий. Такой только у Ерохиной.

— Ерохиной?

— Главный архивариус. Сорок лет работает. У неё чутьё.

— Она что-то знает?

— Не знаю. Но я могу спросить.

— Спроси.

Синичкина записала что-то в блокнот. Потом посмотрела на Соловьёву. И спросила неожиданно:

— А ты знаешь, что у нас в отделе кот?

— Знаю.

— И?

— И ничего. — Соловьёва снова надела наушники. — Я про него тоже думаю.

— И что думаешь?

— Что он не кот.

— Кто ещё так думает?

— Ты, я, Громобоев. И, судя по твоему лицу, уже не только вы.

Синичкина вышла из архива. Пошла по коридору. Думала про папки. Про Ерохину. Про карандаш. Про то, что «сверху» и «в архиве» — одно и то же. И про то, что дело вампира — не про вампира.

Она ещё не знала, что именно не сходится. Но записала: **«Кот. Сведения. Ерохина. Карандаш. Дело — не про вампира».**

Кулибин тем временем ходил по пункту переливания с чемоданом. Смотрел на стены. Открывал шкафы. Что-то измерял.

Потом остановился у дивана в коридоре. На диване лежал халат. Белый. Уже не очень. Но чистый. На халате — пометка чуть выше подола. Крошечная. Карандашом. Одна буква: «Л».

Кулибин наклонился. Посмотрел. Достал лупу. Сфотографировал. Достал телефон.

— Орлов.

— Я.

— У меня интересное. Халат.

— Халат?

— В отделении. На диване. С пометкой карандашом. Это метка. Личная. Сделана недавно. Карандашом. Тем же, я думаю, что и в архиве.

— Тем же карандашом?

— Не тем же. Но из той же серии. Мягкий. Бытовой. Как у школьника. — Он помолчал.

— И знаешь, что ещё? Он лежал на диване, где никто не сидит. И лежал не как халат. А как флаг. Как будто кто-то положил его туда специально.

— Кто?

— Не знаю. Но кто-то очень хотел, чтобы этот халат заметили.

— Кулибин. Ты сегодня у нас прямо сыщик.

— Не я. Прибор.

— Что за прибор?

— Я его собрал из чайника.

— Кулибин. Как прибор из чайника может определить карандаш?

— Не может, — признался Кулибин. — Я просто так сказал. Мне хотелось, чтобы он пригодился.

— Ладно. Пригодится в другой раз.

— Обязательно.

Кулибин взял халат. Аккуратно сложил. Положил в пакет. Подписал: «Вещдок. Халат. Отделение переливания». И поехал в отдел — с паяльником, прибором и бутербродом.

Глава 4. Халат

Утром собрались все.

Орлов пришёл последним — прямо с ночного дежурства. Уставший, но в идеально выглаженной рубашке.

— Итак, — сказал он. — Что у нас есть.

Кулибин разложил на столе халат в пакете:

— Пометка карандашом. Мягкий. Бытовой. Почерк — тот же, что в архиве. По букве «Л». Это не Лядова. У Лядовой почерк другой. Это кто-то третий.

Дроздов поднял телефон:

— Тик-ток вампира. Я просмотрел все ролики. Полгода назад — ролик, где в кадр попал человек. Не специально. В углу. Белый халат. Вид со спины. Ходит по коридору. Лица нет.

Синичкина открыла блокнот:

— Соловьёва узнала у Ерохиной. Ерохина сказала: карандашом писала она. Она пометила вампира к проверке полгода назад. Потому что узнала, что кто-то пытается его дискредитировать. Ерохина давно знает вампира. У неё сын был в этом пункте. Вампир ему помог. И Ерохина хотела предупредить. Написала карандашом: «Проверить». Чтобы кто-то умный заметил.

— Погоди, — сказал Дроздов. — Ерохина — это же архивариус. Она что, имеет доступ к халатам?

— У неё доступ ко всему, — сказала Синичкина. — Она сорок лет в системе. Она ходит куда хочет. Она могла зайти в пункт. Могла оставить метку. Могла сделать так, чтобы халат заметили.

— А рапорт? — спросил Муромцев.

— Рапорт — Лядова, — сказал Орлов. — Она не злодейка. Она чиновница. Увидела проблему и подала бумагу. Это её работа.

— Но ведь бумага Лядовой — это и есть заказ?

— Не совсем. — Орлов помолчал. — Лядова подала рапорт вхолостую. Никто бы не пошёл проверять — вампир в бумагах был чистый. А вот Ерохина знала, что рано или поздно Лядова подаст. И готовила почву заранее. Полгода назад.

— Она знала? — спросил Дроздов.

— Она сорок лет в системе, — сказала Синичкина. — Она знает всё.

— Значит... — Муромцев медленно поднялся с дивана. — Ерохина — это не злодей. И не заказчик. Она — тот, кто страхует.

— Да, — сказал Орлов. — Она знала, что до вампира хотят добраться. Она не могла выйти из архива. Она оставляла знаки. Карандашом. На халате. В папке. Чтобы кто-то пришёл.

— И пришли мы, — сказала Синичкина.

— И пришли мы.

— А Лядова? — спросил Кулибин.

— Лядова — обычный человек, — сказал Орлов. — Она не подличает. Она просто делает карьеру. И в её логике — вампир это проблема, которую надо оформить. Она не враг. Она раздел инструкции.

— А вампир? — спросил Муромцев.

— А вампир ни в чём не виноват. Он тридцать лет работал санитаром. И всё.

Орлов посмотрел на всех.

— Что нам осталось — выяснить, кто человек в белом халате на видео. Тот, что ходил за вампиром полгода назад. Его не нашли. Но он есть.

— Зачем? — спросил Дроздов.

— На всякий случай, — сказал Орлов.

Дроздов кивнул. Дроздов был молодой. Но со временем он станет хорошим следователем — просто потому, что запомнил: если Орлов говорит «на всякий случай» — значит, будет случай.

Глава 5. Ночной наблюдатель

Орлов приехал домой поздно. Тимофей был с ним — не потому, что ходил по расписанию, а потому что сам так решил.

Дома тихо. Орлов поставил чайник. Сел. Открыл блокнот. Перечитал.

1. Домовой. Курочкин А.А. Вежливый. Пойман. Не преступник. Сын.

2. Призрак. Ведякин. Усталый. Не найден. Отец.

3. Вампир. Заславский К.Л. Санитар. Не тронут. Работает.

Три дела. Разные. И все — про то, что в городе живут существа, которые ведут себя лучше людей. Домовой — вежливый. Призрак — усталый. Вампир — полезный. И каждое дело заканчивалось не преступлением, а человеком. Человеком, который решил, что мир работает не так, как ему кажется.

Он задумался. Вспомнил Громобоева. Вспомнил папку. Вспомнил лист бумаги, который Громобоев дал Синичкиной. Вспомнил Курочкина.

Тимофей прыгнул на стол. Сел рядом. Посмотрел на блокнот.

— Ты что-то хочешь сказать?

Тимофей молчал.

Орлов отхлебнул чай. Посмотрел в окно. Город спал. Фонари горели. Ночь была тёплая и тихая.

И тут Орлов заметил вещь.

На улице — под фонарём — стоял человек. В белом халате. Смотрел на его окно.

Орлов встал. Подошёл к окну. Человек стоял. Не двигался. Смотрел.

Орлов присмотрелся. Человек был похож на Кулибина. Или на Стрельцова. Или на кого-то ещё. Издалека не разберёшь.

Он взял телефон. Позвонил дежурному. Сказал: «Здесь кто-то ходит под окнами. Можно проверить?» Дежурный сказал: «Сейчас отправим».

Орлов положил трубку. Посмотрел в окно. Человека уже не было.

Он посмотрел на Тимофея. Тимофей смотрел на дверь. Тимофей знал что-то. Тимофей всегда знал что-то. Но Тимофей никогда не говорил.

Орлов вернулся за стол. Открыл блокнот. Сделал запись: «Ночью под окном стоял человек в халате. Проверить». И ещё одну, тонкую, как зарубка: «Кто-то следит за мной. Кто-то ходит рядом». Подумал. И приписал: «Или это я устал».

Он закрыл блокнот. Лёг спать.

Тимофей остался сидеть на столе и смотреть в окно.

Утром отдел пошёл к Громобоеву — все вместе. Громобоев слушал молча. Долго.

Потом сказал:

— Значит, вампир у нас хороший.

— Хороший.

— А тот, кто на него настучал, — не злодей.

— Не злодей.

— А архивариус — герой.

— Ну, почти.

— А кто следом ходил — мы не знаем.

— Не знаем.

Громобоев посмотрел на Орлова. Потом на всех. Потом на Тимофея. Тимофей сидел на подоконнике и смотрел в окно.

— Ладно. Работайте. Отчёт — на стол. Вампира не трогать.

Он встал. Все встали. Громобоев пошёл к двери. Остановился. Обернулся.

— Синичкина.

— Я.

— Возьми. — Он достал из кармана лист. Сложенный вчетверо. — Из той же папки.

Синичкина взяла. Развернула. Прочитала. И побледнела.

— Товарищ полковник...

— Молчи. Прочитаешь сама. Потом — с Орловым. Потом — ко мне.

Он вышел. Дверь хлопнула. Лепнина уронила небольшую, но выразительную крошку. На этот раз — прямо на нос Дроздову. Дроздов не заметил. Он смотрел на Синичкину.

Синичкина стояла бледная. В руках — лист. Все смотрели на неё.

— Что там? — спросил Орлов.

Синичкина молчала. Долго.

— Потом, — сказала она. — Не сейчас.

Она сложила лист. Убрала в блокнот. Посмотрела на Орлова. Как смотрят люди, которые увидели что-то очень важное.

В блокноте — между страниц — лежало что-то, чего раньше не было. Слово. Одно. Написанное карандашом.

«Проверить. К.»

Орлов заметил, как Синичкина украдкой сжала блокнот. И запомнил.

А Тимофей — сидел на подоконнике. Смотрел в окно. И, как всегда, молчал.

Эпилог

Вечером Орлов сидел в кабинете один. Все ушли. Тимофей — на папке. Папка — на столе. Стол — под лепниной. Лепнина — на потолке. Потолок — над городом. Город — на реке. Река — в темноте. Темнота — в октябре. Октябрь — в Тихогорске.

Орлов достал блокнот. Открыл. Прочитал:

4. Домовой. Куручкин А.А. Вежливый. Пойман. Не преступник. Сын.

5. Призрак. Ведякин. Усталый. Не найден. Отец.

6. Вампир. Заславский К.Л. Санитар. Не тронут. Работает.

7. Что-то не сходится.

Он посмотрел на Тимофея. Тимофей смотрел на него.

— Ты чего-то не говоришь, — сказал Орлов.

Тимофей молчал.

— Или ты говоришь. Просто я не понимаю.

Тимофей молчал.

— Ладно. Всё равно не пойму.

Он закрыл блокнот. Лёг прямо в кабинете — на старом диване. Не в первый раз.

Тимофей спрыгнул с папки. Подошёл к столу. Запрыгнул. Сел. Посмотрел на блокнот Орлова. Потом в окно. Потом — на папку. И — очень аккуратно, очень медленно — поднял лапу. И положил её на папку. На ту самую. На которой было написано: **«Куручкин А.А.»**

Где-то в городе, в какой-то квартире, кто-то включил свет. Или выключил. Ти

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.